

Великие наводнения происходят в Киеве приблизительно через каждые 30-40 лет. Старожилы еще помнят последнее из них, случившееся в апреле 1970 года.

Тогда вдоль берега Днепра шла широкая, примерно километровая, полоса ломаного льда. Волны плескались почти вровень с гранитной кромкой подольской набережной. Вода подступала к сводам опор Моста Метро. Казалось, движение поездов вот-вот остановится. На месте Труханова острова торчали верхушки погружившихся в воду деревьев. Вперемешку со льдом проплывали дачные домики, заборы, сараи, вывороченные с корнями деревья...

Когда река затапливала все, что только можно, в борьбу со стихией вступали, наконец, городские власти

В старом Киеве с началом весны горожане с тревогой посматривали в сторону Днепра, к чему-то прислушивались. И вот по прибрежным улицам разносился глухой гул, скрежет и грохот. Днепр вскрывался. Начинался ледоход. Стремительно прибывающая вода нередко заливала не только окрестности Подола, но и подступала к самому его центру. Спасая монастыри, цехи, ратушу и академию от затопления, жители строили поперек всех идущих к реке улиц нечто вроде заградительных дамб.

Но Плоское - часть Подола, идущая от Нижнего Вала в сторону Оболони, - оставалось во власти днепровских вод. Места эти долгое время считались дачными. Регулярной застройки здесь не было. Лишь во второй половине XIX века на усадьбах состоятельных людей (купцов, профессоров духовной академии и университета) возникли каменные строения. Появились улицы. Но и тогда город не мог позволить себе оградить район со стороны Днепра земляными дамбами. Дума пошла иным путем. Во время очередного наводнения она просто отселяла жителей Плоского вглубь Подола.

Так действовали городские власти и в апреле 1865 года. Воды Днепра затопили тогда все основные улицы этого района (Набережную, Ярославскую, Щекавицкую и Волосскую). Пострадало до 300 усадеб. Жители спасались от стихии на чердаках и крышах домов. Туда же старались затащить домашний скот, особенно коз, кур и свиней. Когда река затапливала все, что только можно, в борьбу со стихией вступали, наконец, городские власти. "Для помощи людям, дворы которых залиты водой, и перевозки их

имущества, - писала пресса, - дума разрешила нанять большой баркас и достаточное количество гребцов". Брошенные на произвол речных волн дома охраняли полицейские разъезды, для чего "дума предложила нанять удобные лодки". Эвакуированным семьям давалось бесплатное помещение в Городском (Контрактовом) доме, других помещали на постой в нанятые думой квартиры в соседних домах. Состоятельные беженцы снимали квартиры за свой счет.

Традицию принимать жертв наводнений в Городском доме ввел в 1840-х годах человеколюбивый губернатор Киева Иван Фундуклей. Многим такое нововведение не нравилось. Разливы Днепра обычно приходились на Великий пост или на Пасху, и с появлением в Контрактовом доме беженцев все проводившиеся здесь в это время спектакли, концерты и иные развлекательные программы отменялись. Но подоляне как истинные христиане не отказывались от добрых дел и, бывало, целый месяц, а то и больше, терпеливо ждали спада воды. "Невеселую, хотя в своем роде живописную картину, - писала пресса в 1877 году, - представляет Контрактовый дом на Подоле, где расположились сотни семейств, спасшихся от наводнения. В одном зале нижнего этажа, судя по кучам разного, охраняемого владельцами, хлама, поместилось не менее 50 семейств. В соседних комнатах, наверху и внизу, - везде полно. Иные имеют кровати и столы, другие помещаются целыми семьями на кучке хлама. Конечно, все поместившиеся в Контрактовом доме принадлежат к беднейшим жителям Киева, для которых заплатить два-три рубля за квартиру или угол на время наводнения составляет большой расход".

Тяжело, конечно, было беженцам Плоского жить вдаль от своих домов. Но больше всех от весеннего буйства Днепра страдали все же не они, а жители Никольской Слободки и Оболони. На их нужды дума не выделяла ни копейки. Это объяснялось тем, что Слободка вообще не входила в черту города, и гласные думы не обязаны были о ней заботиться. "Настоящими киевлянами" не считались и жители Оболони. Здесь селилась беднота, не платившая городу налоги.

Оболонцы обитали в жалких лачугах. У них не было ни мостовых, ни тротуаров, ни фонарей, ни городских. Тем не менее ни на жизнь, ни на весенние причуды Днепра они не жаловались. Тяжелые испытания приучили их смотреть на жизнь философски, с известной долей равнодушия. "Эта часть города, - писал "Киевский телеграф" в 1861 году, - населена отчасти рыбаками и вообще лицами, не считающими воду враждебной стихией; они смело и бестрепетно ожидают неизбежного затопления своих лачужек и преспокойно, сидя на пороге, ловят во дворе рыбу или собирают другую дань с разоряющего их Днепра; именно: они садятся в свои маленькие лодочки и, вояжируя по Днепру, направляют неверный бег досок, бревен и другого строительного материала в свои домишки. Если лов бывает удачен, а волею Нептуна снесло их незамысловатые жилища, то у них по сбыте воды, через месяц-два появляются новые, из готового уже материала".

"На Оболони между домами, будто бы построенными на воде, порхают легкие челноки"

Настоящих печей из обожженного кирпича на Оболони не делали, а складывали их кое-как из самодельного, дешевого сырца. Жители знали, что печи простоят только от весны до весны, в разлив их непременно размочит. Деревянных заборов также не ставили - их уносила вода.

Во время наводнений об эвакуации оболонцев никто обычно не помышлял. Поселение продолжало жить своей жизнью, только на это время превращалось в некое подобие Венеции. Глядя издали на погруженную в реку Оболонь, "сухопутные" киевляне не переставали удивляться стойкости духа ее обитателей. "Вся Оболонь, - писала газета "Киевский телеграф" в апреле 1861 года, - кажется каким-то фантастическим призраком. Между домами, будто бы построенными на воде, порхают легкие челноки... Картина такая великолепная, что, кажется, не оторвал бы от нее глаз".

Большие наводнения воспринимались оболонцами не как беды, а как настоящий дар судьбы. Улицы поселения оживали. Десятки промышленников бороздили на лодках Днепр, выуживая из воды товарный лес, уплывший с затопленных прибрежных складов. В эти дни оболонцы трудились сообща, объединяясь в артели. "К имеющему лодку, - писала пресса, - обычно присоединяются несколько семейств, которые по предварительному условию обязываются немедленно собирать пойманный лодочником и доставленный на берег лес и уносить его домой... Кроме дровяного леса, плавают очень много строевого, а также брусьев и досок. В этом нет ничего удивительного, так как в одном Киеве вода затопила чуть ли не все береговые местности, на которых обычно складывается лес. То же, конечно, делается и в складах в верхних частях Днепра и его притоках".

Центральная часть Подола несколько возвышается над уровнем Днепра. Это часто спасало ее от затопления. И все же магистратской аристократии, купцам и цеховикам не всегда удавалось безмятежно любоваться величественными панорамами днепровских разливов. Случались и такие годы, когда река подступала к самым стенам Могилянской академии и к погосту близкой к ней Борисоглебской церкви (она стояла почти на углу Борисоглебской и Братской улиц). Со стороны Оболони вода доходила иногда до середины Константиновской улицы и до линии Нижнего Вала. "На суше" в таких случаях оставалась лишь небольшая, прижатая к горам часть Подола с Контрактовой площадью, Житним рынком и Александровской улицей (теперь - Гетмана П. Конашевича.).

В память о стихийном бедствии решили на всех домах провести черную линию с надписью: "1845 год"

Самое большое наводнение XIX века произошло в 1845 году. Тогда, как писал Николай Закревский, "разлив Днепра был необыкновенно силен; вода поднялась выше обыкновенного уровня на 10 аршин (более семи метров. - Авт.), затопила все прибрежные строения, лавки, магазины (склады) Подола и два квартала Плоской части; на этом пространстве 77 домов совершенно разломало и разнесло водою, а 451 дом значительно повредило".

Свидетель этого необычайного явления мемуарист Николай Богатинов писал: "Вся береговая полоса была залита, Церковь св. Ильи пророка, в ожидании разлива была замурована, т. е. все двери заложены каменной кладкою, и действительно была затоплена; духовное училище (бурса на набережной) тоже... Наводнение началось с первых дней св. Пасхи. Пока вода не выходила из берегов, я смотрел на разъяренную реку, казавшуюся уже не рекою, а большим озером до самого горизонта. Свирепые волны, приходилось видеть, несли бурливо не одну избу, не один непрочно поставленный городской дом; только крыша колыхалась под ударами бушующих волн".

Подол в те дни наполнился множеством беженцев. Со своих обжитых мест ушли не только жители Плоского, но и привыкшие ко всему оболонцы. Места в Контрактовом доме для них не нашлось. Их кое-как пристроили в частных домах. "Что же было, - писал в те дни протоиерей Иван Скворцов, - на несчастной Оболони? Хаты по крышу в воде. Многие унесены водою. Уверяют даже, что из какой-то слободки, с верху Днепра, взята была волнами церковь и плыла торжественно мимо Киева. (Не даром же церковь сравнивают с кораблем.) Словом, разлив ужасный. Бедные жители Оболони без хат, без хлеба, кормятся от человеколюбия гражданского губернатора (И. Фундукля. - Авт.), солдат".

В память об этом стихийном бедствии XIX века, писал Николай Богатинов, "по распоряжению властей, во всех частях города, на всех домах, церквях, зданиях, охваченных водою, проведены были черною масляною краскою линии с надписью: "1845 год".

Подоляне долго боролись с рекой, приспособливались к ее нраву, разводили на наносных песках сады и огороды. Но великий потоп 1845 года переполнил чашу их терпения. Часть владельцев разрушенных усадеб переселились подальше от Днепра - на нагорную окраину Верхнего города, получившую впоследствии название Лукьяновки.

Второе великое наводнение на Подоле случилось в 1877 году. Уровень воды в Днепре был тогда на 14 вершков (61 сантиметр) ниже, чем во время первого потопы. Весна выдалась холодной и снежной. Ледоход на реке начался лишь в конце марта. Ожидался большой разлив. Но, как всегда, беда застигла киевлян врасплох. "Вода, - писала пресса, - прибывала так быстро, что многие не могли выбраться своевременно, и имущество их разорено. Случалось, что жители были пробуждаемы ночью страшным гулом и сотрясением дома от ворвавшейся в окна воды... Множество поросят, кур, собак и несколько лошадей потоплено. Множество людей, иногда целыми семьями, со всем скарбом, располагаются на кровлях сараев, на чердаках".

В прессе того времени запечатлелся и быт погруженного в воды Днепра Подола. Его обитатели жили тогда какой-то странной, можно сказать, фантастической жизнью: "Для сообщения между домами, там, откуда еще не выбрались, устроены разнообразные, далеко не безопасные мостики. Весьма нередко пробирающиеся по этим мостикам, поскользнувшись или от непрочности самого мостика, падают в воду. Сообщения совершаются на лодках или импровизированных плотках. Есть даже лавочки с бакалейными товарами и мукою, в которые покупатели приезжают на лодках. На плотках, обыкновенно состоящих из двух бревен, сбитых досками, рискуют путешествовать только предприимчивые мальчишки и, разве в крайнем случае, переправляются целые семейства".

Как уже говорилось, большие наводнения происходят в Киеве с определенной периодичностью. В среднем через каждые 30-40 лет. В мемуарах и газетах находим упоминания о необычайных разливах Днепра в 1818, 1845, 1877 и 1908 годах. Последнее большое наводнение XX века произошло в 1970 году.

[Факты](#)